

КРУПНЫЙ ПЛАН

Актриса Анна Маркова — воплощение позитива. В жизни она похожа на героиню пушкинской «Барышни-крестьянки», которую играет на сцене Театра имени Ермоловой. Она естественна, проста и производит впечатление человека, напроочь лишённого комплексов. С ней уютно. Тусовки, погоня за известностью находятся вне сферы ее интересов. Она любит свою профессию, свою семью, своих коллег, своего режиссера. И единственное, чего ей не хватает для полного счастья, так это того, чтобы ее героини повзрослели.

— Я знаю, что в Ермоловском театре Андреев сейчас репетирует спектакль о современной молодежи «Обманщики». Это молодые актеры уговорили его на такой поступок?

— Нет, что вы! Его никто не уговаривал. Он сам принес этот сценарий, и когда читал его нам, то все время спрашивал: «Вас это не шокирует?»

— А вы что?

— Если честно, меня это на самом деле немножко шокировало. Я сомневалась, прозвучит ли сегодня эта тема, есть ли у людей потребность в негативе на сцене. Сама я миновала период тусовок в компаниях. И хотя училась в театральном училище, но в общежитии не жила и не знаю, что это такое пить, курить, заниматься сексом, менять по два-три партнера за ночь. У нас с Владимиром Алексеевичем даже в течение длительного времени продолжался диалог на эту тему. Он мне принес кассету с американским фильмом «Детки» — очень жесткой историей о подростках, которые сбиваются в компании, заражают друг друга СПИДом, а могут просто забить кого-то до смерти без особых причин.

гой — за изнасилование. И мне становится страшно. Возможно, в Москве это не так заметно, но отчетливо видно в маленьком городке, где все друг друга знают, — а я родилась в подмосковном Дедовске.

— Насколько я знаю, в Дедовске изготавливают керамическую плитку. Откуда у девочек, выросшей среди фабрик и заводов, возникло желание стать актрисой?

— Я просто в детстве танцевала. Я была очень беспокойной, мне все время хотелось прыгать-скакать, и мама отдала меня в хореографический ансамбль. Я очень хорошо помню этот момент. Мне шесть лет, я стою в центре зала, босая, в маечке, в юбочке с земляничками. И на меня молча смотрят дети. Весь коллектив. Меня там заставили прыгать, выворачивали ноги. Ужас. Страшно, стыдно, неловко. Я чувствовала себя раздетой. А потом ничего, привыкла. Прозанималась там 12 лет. Ансамбль «Родник» — достаточно известный коллектив, мы ездили на гастроли за границу, выступали в Зале имени Чайковского. Возможно, моя дальнейшая жизнь была бы связана с танцами, но я сломала пальцы на ноге, и профессиональная карьера оказалась для меня закрытой.

— Ну я так понимаю, что эти 12 лет не прошли для вас даром. Я сама видела, как в спектакле «Костюмерша» вы с легкостью садились на шпагат.

— Да, когда я поступила в театр, мне сказали: «Надо же, как вас в Щукинском училище хорошо учат двигаться, танцевать». И сейчас на шпагат сажусь и колесом хожу в спектакле «Царь Максимилиан», в котором мне досталась роль Скорохода. На протяжении всего дей-

спектакль всякий раз играет по-разному. Все зависит от настроения. И хотя схема всегда одна, но твое существование, дыхание каждый раз новое. Могут меняться приспособления, ритм. Кстати, насчет ритма у меня есть одна совершенно анекдотическая история. В один день, перед Новым годом, я должна была играть в «Царе Максимилиане» и одновременно сниматься в программе «Русское лото». Ровно в 8.20 вечера нужно было быть на телевидении. Иду к Андрееву. Он говорит: «Спектакль заменить мы не можем, но ты сыграй до такой-то сцены, а дальше мы твои реплики разбросаем на других персонажах». И вот длинный кусок с моим участием мы уложили где-то в час. Минут пятнадцать сэкономили. Вы бы видели, как все включились в мою проблему: гнали с такой скоростью, что спектакль аж прямо полетел! Играли все замечательно, не расслаживались, никто на себя одеяло не тащил. Все было четко, по существу. Быстрее-быстрее-быстрее! В следующий раз мне артисты говорили: «Аня! Это было гениально! А тебе случайно куда сегодня не надо?»

— Вам часто приходится ощущать такую поддержку со стороны коллег?

— Да, меня в театре поддерживают, у нас хороший, очень профессиональный коллектив. За шесть лет, что я здесь, не было ни одного серьезного конфликта. Когда мне рассказывают, что где-то в других театрах артистки до сих пор стекло в пудру сыплют... Я чувствую, что здесь я нужна, что здесь на меня рассчитывают, здесь меня любят. И сам Андреев для меня больше, чем просто режиссер, это родной и близкий человек. Он очень добрый. А как он любит животных! Собак у

кало — ой! ну ведь шестнадцать лет. Я прихожу на Мосфильм, а мне говорят: «Нет для вас ролей. Сейчас нам нужна актриса на роль женщины легкого поведения, а вы для нее не подходите». Ну не гожусь я на проститутку... Знаете, я ведь не боец по натуре и совсем не умею ходить и просить: «Возьмите меня!» И потом кастинги — это так ужасно: куча народа, поток, и ты должен мгновенно собраться, потому что у тебя не будет времени на расквашку. Я так не умею.

— Аня, а как без бойцовского характера вы попали на телевидение? Вы уже шесть лет ве-

В роли Барышни-крестьянки

АННА МАРКОВА: Я НЕ ГОЖУСЬ НА ПРОСТИТУТКУ

Анна Маркова с семьей

— Ужасы вы какие рассказываете. Это такое на сцене будет?

— Ну по сравнению с «Детками» наш спектакль — это цветочки. Это все-таки история о любви. И хотя герои решили, что чувства им не нужны, в конце концов все равно влюбляются. Но они не могут пробиться друг к другу, потому что боятся быть искренними, и кончается все печально — смертью героини. У меня роль небольшая, но хорошо выписанная. Моя Франсуаза появляется впервые на сцене, чтобы объявить своему возлюбленному, что она беременна. Но он к этому не готов: он из нищей семьи, у него куча проблем — какая жена? какой ребенок? Поддержки нет, она мечтает, ее уговаривают сделать аборт, и она умирает. Это всего две сцены, и эти три минуты надо прожить по-настоящему: любить, переживать, плакать. Эта работа заставила меня обратить внимание на те вещи, которые раньше были где-то за чертой моей жизни.

— И теперь вы должны пережить на сцене то, чего не переживали в реальности...

— Получается, что так. И меня эта история трогает. Я стала смотреть по сторонам. Вот приезжаю домой и слышу, что один мой одноклассник — в тюрьме за наркотики, дру-

ствия я выхожу на сцену раз четырнадцать и говорю одну и ту же фразу: «Пойду и приведу!». И все. Больше о персонаже ничего в пьесе не сказано. И мне надо было что-то придумать...

— Я что-то не понимаю. Почему вам надо было придумывать? А как же режиссер?

— А актер должен всегда сам что-то приносить. Вот ходули, например... Не смеяться. Вы себе не представляете, как я мучилась. Со всем не знала, с какого конца подступиться, чего только не делала — и степ танцевала, и на роликах по сцене каталась, и ходули мне настоящие сделали. Пришла на них на репетицию. Режиссер сказал одно слово: «Мама», — и закрыл лицо руками. А потом я поняла, что надо идти от самой себя, быть заразной, активной. И придумала такое приспособление: плетку себе косы, вставляю в них согнутую дугой проволоку — получается коромыслице. К нему привязываю длинную веревочку. И в нужный момент дергаю за веревочку — фитиль! — и косички поднимаются, как уши у собаки, или рожки такие. Ерунда, а зритель реагирует...

— И даже не подозревает, какие за этим пустячком стоят творческие поиски...

— Да-да. И вообще один и тот же

него великое множество. Бездомных щенков пристраивает. У некоторых из наших артистов уже по три-четыре собаки, а Андреев все настаивает: «Нет, ты все-таки возьми собачку, имей совесть!»

— Аня, похоже, что вас все устраивает в театре: работа интересная, ролей много, коллектив замечательный. А довольны тем, как вас публика принимает?

— Вполне. И публика тоже обычно бывает довольна. Хотя меня раздражает, что люди сейчас стали оценивать театр не по его качеству, а по наличию в нем известных артистов. Знаете, сейчас ведь какое сознание? Увидят кого-то по телевизору, и теперь хотят видеть его на сцене. Бывает, что меня какой-то обыватель спрашивает: «А кто у вас в театре из известных?» Я говорю: «У нас есть Владимир Андреев, Сергей Безруков, Лев Борисов» — «А! Антибиотик! О! Хорошо, хорошо!»

— Еще вы можете назвать Кристину Орбакайте, с которой вы в очереди играете Барышню-крестьянку...

— Да что вы, Кристина уже давно не играет. Но до сих пор многие спекулянты продают в метро билеты «на Орбакайте». Мне охранники рассказывали, что однажды пришла компания, которая купила у кого-то билеты на «Барышню-крестьянку» за большие деньги. Они устроили скандал, но потом все-таки решили посмотреть спектакль, и после него говорили тем же охранникам «спасибо». Я очень люблю эту роль. Уже год ее играю, но до сих пор продолжаю над ней работать. В «Барышню» там же такая любовь. Герои полюбили, отцы в ссоре. Можно сказать, что Пушкин сделал русскую Джульетту, только со счастливым концом. Молодые поженились, все счастливо... Но у Шекспира такая глубина. Я мечтаю о Джульетте. Давно к Андрееву клинья подбиваю, но Шекспир — это вообще очень сложный материал.

— А чего бы вам еще хотелось сыграть?

— Меня все время используют как молодую лирическую героиню. А я уже устаю, когда мне опять предлагают играть девочку. Ведь мне уже 28 лет, я уже dorosла до серьезных ролей. Но вот с лицом у меня проблема: посмотрю на себя в зер-

дете на ТВЦ детскую программу «Отчего и почему»...

— А случайно все произошло. Я была еще студенткой, когда попала на программу «Русское лото». Ее ведущий Михаил Борисов преподавал нам в «Щуке» актерское мастерство. А потом на телевидении объявили конкурс на ведущую детской программы, и я пошла просто поддержать какую-то девочку. «А вы чего можете?» — спросили меня. Я что-то показала. Мне сказали: «Знаете что, приходите завтра». Я пришла, и оказалось, что это судьба.

— Михаил Борисов — не только ваш бывший педагог, но еще и муж. Он принимает участие в вашей карьере?

— Конечно, если он может, то помогает мне. Но многих вещей я добилась сама. Раньше меня жутко шокировало, когда я слышала в свой адрес: «Ну ясно, почему она на телевидении. Это же все ее муж! Он же настолько ее старше. Понятно, почему она вышла за него замуж». Но Михаил объяснил мне, что в этих разговорах нет ничего плохого: «Пусть все думают, что муж занимается тобой, потому что сильно любит тебя». И правда: муж любит жену — чего в этом плохого?

— Как складываются ваши отношения с сыном мужа Веней?

— Он воспринимает меня как старшую сестру. Однажды так и сказал: «Как жаль, что ты не моя сестра». Когда мы с Михаилом поженились, Вене было четыре годика. Миша воспитывал сына один, потому что его жена умерла при родах. Я не претендую на роль мамы. Я думаю, что ребенка надо просто любить, помогать ему, стараться, чтобы он был не одинок. Знаете, Веня очень удивляется, когда после того, как мы с ним играли, ели мороженое или говорили о каких-то его тайнах, я вдруг могу начать его воспитывать. Ведь я же его друг.

— Скажите, а кто для вас Михаил больше — друг, отец или, может быть, большой ребенок?

— Ребенок? В чем-то, наверное, да. В каких-то бытовых вопросах. Я, наверное, сумасшедшая, но своих мужчин не могу просто так оставить. Бывает, что сижу на репетиции и думаю: «Как же они там без меня? А вдруг они голодные?». Могу 10 раз на дню позвонить: «А ты поел

котлеты, я тебе там в холодильнике оставила? А ты нашел рубашку? А ты лег спать?» (Смеется.) Но конечно, когда мне нужен друг, я друга в муже найду, когда нужен отец — то и отца. Он может меня и пожалеть, и поругать иногда. А когда я ему говорю: «Что же ты меня все ругаешь?», он мне отвечает: «А ты у меня зачем? Что, мне завести специальную тетку для ругани?» Конечно, со временем отношения меняются, но мне кажется, что мы станем все ближе и ближе, нам никогда не бывает скучно друг с другом. Не знаю, вряд ли я смогла бы так долго просуществовать с ровесником.

— Сколько вы уже вместе?

— Восемь лет. Мы столько всего преодолели... Студентка и педагог. Конечно, я даже представить себе не могла, что со мной может произойти такое. Мы поженились, когда я была на четвертом курсе института, и об этом не знал никто. Чтобы избежать ненужных пересудов, мы с Михаилом долго не обнародовали наш брак. Даже мама только через год узнала. У нас были такие тайные отношения. Где-то в течение трех-четырех лет.

— Как же вам удавалось сохранить тайну, ведь вы работали в одном театре и даже в одном спектакле — «Вечер комедий»?

— Очень просто. Когда он ставил этот спектакль, а я в нем репетировала, то на сцене у нас были взаимоотношения режиссера и актрисы. Ни у кого даже подозрений не возникало. И только когда спектакль шел уже четвертый сезон, одна артистка спросила меня: «У тебя что, роман с Борисовым?» — «Да!» — сказала я. Это было так смешно. Конечно, были определенные проблемы. Вот если вы посмотрите театральную телефонную книжку, то там вы не найдете мой домашний телефон, только мобильный. Потому что там уже указан номер моего мужа.

— Так что же, у вас дома никто не бывал из друзей или подруг?

— Из артистов — никто. Мы не хотим, чтобы в нашу жизнь кто-то внедрялся. Я могу общаться с актерами в театре, но дома опять говорить о спектаклях? Я не хочу никого пускать в свою личную жизнь. Я пришла с работы, закрыла дверь. И все.

Ирина БУРОВА

(14), 2003 (апр.)
 Маркова Анна